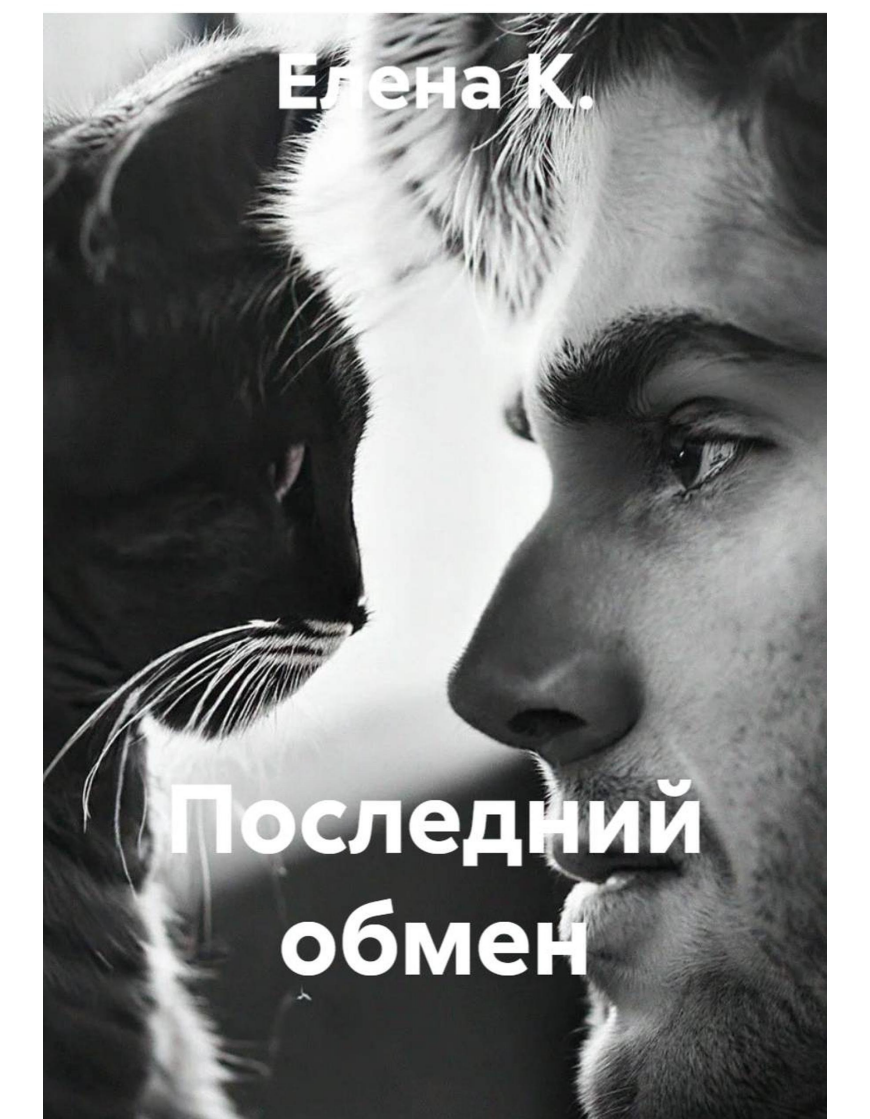

Елена К.

**Последний
обмен**

Елена К.

Последний обмен

<https://litres.ru/74494403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей (умирает) живёт в Петербурге, который исчезает. Дома становятся прозрачными, звуки — приглушёнными, люди — призрачными. Но в его маленькой квартире на Петроградской стороне всё ещё пахнет чаем, стоит чашка с золотой каймой, а на подоконнике сидит кот Сэм с зелёными глазами, — и этого хватает, чтобы мир не рассыпался окончательно.

Каждый день Алексей записывает в дневник одну фразу: «Сегодня было что-то хорошее». Иногда это просто мурчание Сэма. Иногда — запах хлеба из булочной на углу. Иногда — звонок маме и тихое «я здесь».

Но незнакомец в чёрном пальто приходит снова и снова, требуя выбора: что сохранить, а что отпустить. И Алексей понимает — самый трудный выбор не в том, чтобы удержать мир. А в том, чтобы перестать бороться и начать просто жить.

Роман о том, как найти настоящее в исчезающем. О коте, который стал якорем. О чашке чая, которая важнее целого города. О любви, которая не исчезает, даже когда исчезает всё остальное.

Содержание

Все Главы.	4
Глава 2. Первый обмен	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена К.

Последний обмен

Все Главы.

Глава 1. О том, как я узнал, что умру, и о коте по имени Сэм

Мне двадцать девять лет, и я умираю.

Звучит мелодраматично, правда? Как строчка из дешёвого романа, который покупают в аэропорту, чтобы убить время в ожидании задержанного рейса. Но, к сожалению, это не строчка из романа. Это моя жизнь — или, точнее, то, что от неё осталось.

Врач сказал мне это в прошлый вторник. Именно во вторник — я запомнил, потому что вторники в моей жизни ничего не значили до этого. Вторники были самым незаметным днём недели. Не понедельник, с его тяжестью начала, не пятница, с её обещанием свободы. Просто вторник. Серый, как небо над Петроградской стороной в ноябре.

Врач был молод, лет на пять моложе меня, и это почему-то было обиднее всего. Он сидел за столом, и на его лице было выражение, которое я узнал сразу, — выражение человека, который произносит слова, заранее зная, что они сломают всё. Я видел такое лицо однажды, когда мне было двенадцать

и мама сказала мне, что отец не вернётся. Не из командировки. Просто не вернётся. У неё было точно такое же лицо — тщательно выстроенное спокойствие, за которым скрывается рушащийся мир.

— Несколько месяцев, — сказал врач. — Может, три. Может, шесть. Мы сделаем всё возможное, но...

Он не договорил. И я не стал слушать, что будет после «но». «Но» — это слово, после которого никогда не бывает ничего хорошего. «Я люблю тебя, но...», «Мы старались, но...», «Ты хороший человек, но...». Вся моя жизнь теперь умещалась в это «но» — тупое, безжалостное, не оставляющее места для ответа.

Я вышел из поликлиники на улицу. Был ноябрь. Петроградская сторона дышала холодом и сыростью, как старый пёс, который слишком устал, чтобы лаять. Я стоял на углу Каменноостровского и Большого проспекта и смотрел, как люди идут мимо меня. Они куда-то спешили — к метро, к автобусной остановке, к своим женам и детям, к своим ужинам и телепередачам. Они шли, и каждый их шаг был уверенностью в том, что завтра будет. А у меня завтра не было. Точнее, было — но лишь несколько штук. Несколько жалких, хрупких завтра, которые можно пересчитать на пальцах.

Я вдруг подумал: вот если бы кто-нибудь подошёл ко мне сейчас и спросил, который час, я бы ответил. Просто ответил бы, и человек пошёл бы дальше, не зная, что стоит перед кем-то, кто скоро умрёт. И эта мысль показалась мне невероятно

смешной и невероятно грустной одновременно. Я засмеялся. Прямо там, на углу, в толпе спешащих людей. Засмеялся, и слёзы потекли по щекам, и я не мог остановиться, и люди начали на меня смотреть, и мне было всё равно.

Я живу один. Ну, почти один. Со мной живёт кот.

Его зовут Сэм.

Я понимаю, что это странное имя для кота. Но если бы вы его увидели, вы бы поняли. Он серо-белый, круглый, с вечно немного удивлённым выражением морды, как будто он только что узнал, что его зовут Сэм, и до сих пор не решил, нравилось ему это или нет. Я подобрал его четыре года назад, зимой, на рынке. Он сидел в картонной коробке между кочанами настоящей капусты, и продавщица сказала: «Бери, раз нравится, мне возиться некогда». Он был такой маленький, что помещался в ладонях. Я принёс его домой, и он сразу забрался на диван и свернулся калачиком, как будто жил здесь всегда.

Сэм — единственное живое существо, которое видит меня каждый день. Мы разговариваем. Ну, то есть я разговариваю, а он смотрит на меня с выражением, которое можно перевести примерно так: «Я тебя слушаю, но чекушку ссуды на корм я ещё не видел». Он ест больше, чем я, спит дольше, чем я, и, вероятно, счастливее, чем я когда-либо был. Иногда я ему завидую. Иногда — очень.

Когда я вернулся из поликлиники, Сэм сидел на подоконнике и смотрел в окно. Он всегда смотрит в окно. Я не знаю,

что он там видит — для меня за окном только серое небо, дома и периодически ворона на карнизе напротив. Но он смотрит так, будто за стеклом происходит что-то потрясающее, что-то, доступное только кошачьему зрению. Может, так и есть. Может, мир куда интереснее, чем я думал, просто я смотрел на него не теми глазами.

Я сел на пол рядом с ним, прислонившись спиной к стене. Он повернул голову, посмотрел на меня — долго, внимательно, — и потом снова отвернулся к окну. И в этот момент я подумал: он знает. Коты ведь чувствуют. Он знает, что со мной что-то не так, и не знает, что с этим делать, и поэтому просто сидит рядом. И это было достаточно.

Я родился в Вологде. Это важно, потому что Вологда — это место, которое я носил в себе все эти годы в Петербурге, как носят в кармане старую монетку, к которой привык и которую не выбросишь. Маленький город, деревянные дома, запах хлебозавода по утрам, река, зимой замерзающая до самого дна, и мама, которая всегда говорила: «Лёша, одень шапку, в Петербурге холоднее». Я уехал в Петербург, когда мне было семнадцать, и с тех пор почти не возвращался.

Семья — это слово, которое для меня означает маму и сестру Олю. Папа ушёл, когда мне было двенадцать, и мы не виделись с тех пор. Мама работала на молочном заводе, поднималась в пять утра, возвращалась в семь вечера и всегда пекла блины по воскресеньям. Оля на четыре года младше, она осталась в Вологде, работает в школе, преподаёт литера-

туру. Мы созваниваемся раз в месяц, и каждый раз она говорит: «Приезжай», и каждый раз я говорю: «Обязательно», и не приезжаю.

Теперь я не приеду никогда. Эта мысль пришла ко мне ночью, когда я лежал в темноте и слушал, как Сэм сопит на краю кровати. «Никогда» — это слово, которое раньше было абстракцией. Никогда не побываю в Японии. Никогда не выучу играть на гитаре. Никогда не согласовывал с отцом. «Никогда» всегда было где-то далеко, за горизонтом, и я думал, что успею до него дойти. Теперь горизонт подошёл ко мне сам.

Я заплакал. Тихо, чтобы не разбудить Капусту, хотя, конечно, он и не спал — он просто ждал, когда я перестану.

На третий день после диагноза я позвонил маме. Она подняла трубку на втором гудке, как будто ждала у телефона. Мы поговорили о погоде, о её саде, о том, что у соседки Раисы Васильевны опять прорвало трубу. Я хотел сказать: «Мама, я болен, и мне осталось немного, и я боюсь». Но не сказал. Потому что, если скажу, это станет правдой, а пока я молчу, есть крошечный, абсурдный шанс, что врач ошибся, что анализы перепутали, что это всё дурной сон, из которого я вот-вот проснусь.

— Лёша, ты ешь нормально? — спросила мама.

— Конечно, мам, — соврал я.

— И шапку носи?

— Ношу, мам.

Я повесил трубку и стоял в коридоре, держа телефон в руке, и телефон был тёплым от её голоса, и я прижимал его к уху, как будто ещё мог что-то услышать.

А потом появился он.

Это случилось в пятницу. Пятница — единственный день недели, который мне ещё нравился. Я никуда не ходил, — но потому что по пятницам я покупал себе пельмени и смотрел фильм. Это была моя маленькая традиция, мой ритуал, единственное, что отличало один день от другого.

Я сидел на диване, пельмени варились на кухне, по телевизору шёл какой-то старый фильм — кажется, Тарковский, — и Сэм лежал рядом, положив лапу мне на колено, как будто защищал. И тогда кто-то позвонил в дверь.

Не в обычном звонке почтальона или соседа. Звонок был долгий, настойчивый, как будто звонящий точно знал, что я дома и никуда не уйду, и был готов ждать вечно.

Я открыл дверь.

На пороге стоял человек. Молодой, лет тридцати пяти, в чёрном пальто, которое сидело так идеально, как будто было сшито прямо на нём. Лицо — ничем не примечательное. Ничего особенного: ни рогов, ни хвоста, ни дыма из-под ног. Просто человек. Но что-то в нём было неправильное. Я не мог сказать, что именно — может, то, как он стоял, слишком прямо, слишком неподвижно, как будто его поставили и забыли сказать, как двигаться. Или, может, его глаза — они были тёмными и спокойными, как вода в глубоком колодце,

куда никогда не падает свет.

— Алексей? — спросил он.

— Да.

— Я знаю, что вам сказали во вторник.

Я не ответил. Я стоял в дверях и смотрел на него, и мне было страшно, но не так, как было страшно во вторник. Во вторник мне было страшно от неизвестности. Сейчас мне было страшно оттого, что неизвестность, кажется, принимала форму.

— Можно войти? — спросил он.

Я отступил в сторону. Просто, потому что, тело решило за меня. Так бывает, когда страх настолько большой, что сопротивляться ему — всё равно что сопротивляться гравитации.

Он вошёл, снял пальто и аккуратно повесил его на крючок рядом с моим — единственное пальто, которое там висело, кроме моего. Прошёл в комнату, сел в кресло напротив дивана, где секунду назад сидел я. Посмотрел на Капусту. Сэм посмотрел на него. И в этом взгляде — между котом и незнакомцем — что-то промелькнуло. Как будто они поздоровались. Или, точнее, как будто узнали друг друга.

— У меня есть предложение, — сказал он.

— Кто вы? — спросил я.

— Это не важно.

— Это важно для меня.

Он улыбнулся. Вернее, его лицо совершило движение, ко-

торое при поверхностном взгляде можно было принять за улыбку, но это не было улыбкой. Это было что-то другое — может, воспоминание о том, что люди улыбаются, когда хотят показать дружелюбие.

— Называйте меня как хотите, — сказал он. — Дьявол, ангел, бухгалтер Вселенной — мне всё равно. Я здесь, чтобы предложить вам сделку.

Я сел обратно на диван. Сэм не двинулся с места, но его лапа на моём колене напряглась — когти чуть вышли, кольнули меня сквозь ткань.

— Я могу продлить вашу жизнь, — сказал он.

Тишина. Я слышал, как на кухне булькают пельмени, как где-то за стенкой сосед включает радио, как Сэм дышит — ровно, медленно, как будто его heartbeat — это метроном, под который мир не спеша идёт вперёд.

— Продлить? — переспросил я.

— Да. Каждый дополнительный день — бесплатно, без условий, без боли. Но за каждый день из мира исчезнет одна вещь. Одна вещь, которую вы выберете. Она исчезнет навсегда — не сломается, не потеряется, а именно исчезнет, как будто её никогда не было. И вы единственный, кто будет помнить, что она существовала.

Я молчал.

— Любая вещь? — наконец спросил я.

— Любая. Физический предмет. Мелодия. Вид. Запах. Город. Звезда. Что угодно.

— И что будет, если я откажусь?

— Ничего. Вы проживёте свои три-шесть месяцев и умрёте. Тихо, без боли. Я гарантирую.

— А если соглашусь?

— Вы проживёте дольше. Гораздо дольше. Но мир вокруг вас станет немного меньше с каждым днём.

Он достал из кармана — если это был карман — что-то вроде контракта. Тонкий лист бумаги, на котором ничего не было написано.

— Подумайте, — сказал он. — У вас есть время. Немного, но достаточно.

Он встал, надел пальто и вышел. Не попрощавшись. Дверь закрылась за ним — мягко, без стука, как будто не захлопнулась, а просто перестала быть открытой.

Я сидел на диване и смотрел на пустой лист бумаги, который он оставил на столе. Пельмени на кухне давно сварились и, вероятно, разварились в кашу, но я не мог двинуться. Сэм посмотрел на меня, потом на лист, потом снова на меня. И я мог поклясться, что в его зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

Ночью я лежал и думал. Не о сделке — о жизни. О том, как мало я сделал с тем, что мне было дано. Я приехал в Петербург, чтобы стать кем-то — не знаю, кем именно, но точно кем-то большим, чем мелкий клерк в конторе на канале Грибоедова. Я хотел писать. Я хотел влюбиться. Я хотел увидеть мир — Токио, Рим, Стокгольм, те места, которые видел

только на открытках в книжном магазине на Невском. Вместо этого я просиживал за столом с девяти до шести, возвращался домой, кормил кота и засыпал под шум телевизора.

И вот теперь, когда времени почти не осталось, я вдруг понял: мне не жаль того, что я не сделал. Мне жаль того, что я не заметил. Утренний свет на гранитных парапетах набережной. Запах хлеба из булочной на углу. Голос мамы по телефону. Тяжесть тёплого кота на коленях. Все эти маленькие, незаметные вещи, из которых и состоит жизнь, пока ты не оглянулся, а она уже кончилась.

Сэм подошёл, лёг мне на грудь и замер. Я чувствовал, как он дышит — медленно, ровно, как будто в его дыхании была вся мудрость мира, которую люди ищут в книгах и храмах, а коты носят в себе с рождения.

— Сэм, — прошептал я, — что мне делать?

Он, разумеется, не ответил. Но его мурлыканье звучало как ответ. Как будто он говорил: «Ничего не делай. Просто лежи и слушай. Мир сам скажет тебе, что нужно».

И я лежал и слушал. За окном шёл снег. Где-то далеко, в Вологде, мама, наверное, спала. Где-то ещё дальше — может, в Токио, если Токио ещё существует — кто-то, возможно, задавал себе тот же вопрос.

А на столе в комнате лежал пустой лист бумаги и ждал.

Глава 2. Первый обмен

Утро после визита незнакомца было таким же серым, как и все предыдущие. Только теперь в этой серости чувствовалось что-то новое — будто воздух стал чуть тяжелее, будто тишина обрела вес. Алексей проснулся рано, ещё до рассвета, и долго лежал, глядя в потолок, где старая лепнина напоминала застывшие волны. Он ждал, что страх вернётся — тот липкий, холодный страх, который накрыл его, когда он стоял в дверях, а незнакомец произносил слова, похожие на приговор. Но страха не было. Была странная пустота, в которой каждое слово, сказанное прошлым вечером, звенело, как натянутая струна.

Сэм сидел на краю кровати и смотрел на него своими зелёными глазами — не с укором, не с жалостью, а так, будто ждал, что Алексей наконец-то скажет что-то важное.

— Ну что, Сэм, — тихо произнёс Алексей, садясь и опуская ноги на холодный пол. — Кажется, я должен что-то выбрать.

Кот моргнул, спрыгнул на пол и направился к кухне, всем своим видом показывая: сначала завтрак, потом экзистенциальные вопросы. Алексей улыбнулся — впервые за несколько дней улыбка получилась не натянутой, а почти настоящей.

На столе по-прежнему лежал тот самый лист бумаги. Пустой. Ни букв, ни печатей, ни подписей. Просто тонкий лист,

который почему-то казался тяжелее всего остального в комнате. Алексей взял его в руки, поднёс к свету, будто надеялся разглядеть скрытые чернила, невидимые глазу. Но лист оставался пустым — и в то же время каким-то бесконечно полным.

Он заварил чай в старой жестяной банке, которую когда-то привёз из Вологды — мама собирала в такие банки рассыпной чай, и запах сушёной мяты до сих пор цеплялся за металл. Алексей сел у окна, посмотрел на заснеженный двор, на тусклый фонарь, который мигал, будто подавал кому-то сигнал, и вдруг понял: он не хочет выбирать что-то великое. Не город, не звезду, не мелодию, которую знают миллионы. Он хочет выбрать что-то своё — маленькое, незаметное для других, но такое важное для него.

И тут он вспомнил про чашку.

Это была самая обычная чашка — белая с тонкой золотой каймой, купленная в каком-то случайном магазине на Невском. Алексей не помнил, зачем он её купил, но с тех пор пил из неё только по утрам. В ней чай всегда казался чуть вкуснее, будто сама чашка хранила в себе какое-то тихое, домашнее волшебство. Он не знал, откуда она взялась — возможно, досталась от бабушки, а может, просто появилась в шкафу однажды, как появляются вещи, которые потом становятся незаменимыми.

— Чашка, — прошептал он, глядя на неё, стоящую на полке рядом с другими, ничем не примечательными предмета-

ми. — Пусть исчезнет чашка.

Слова прозвучали странно — как будто он произносил заклинание, а не просто называл предмет. Алексей закрыл глаза, ожидая чего-то: треска, вспышки, ощущения, что мир дрогнул. Но ничего не произошло. Мир остался на месте — такой же серый, такой же тихий, такой же привычный.

А потом он потянулся за чашкой.

Её не было.

Полка была пуста. Там, где ещё минуту назад стояла чашка с золотой каймой, теперь было только пустое пространство — чуть светлее, чем остальная полка, будто само отсутствие предмета оставило свой след.

Алексей замер, рука повисла в воздухе, пальцы сжимались и разжимались, будто пытаясь нащупать то, чего больше нет. Он смотрел на полку, потом на свои руки, потом снова на полку. И вдруг его накрыло странное, почти детское чувство — будто он потерял что-то очень дорогое, хотя ещё секунду назад сам решил с этим расстаться.

— Сэм? — позвал он, оборачиваясь. Кот сидел у двери и смотрел на него с тем самым выражением, которое можно было прочесть как: «Ну вот, началось».

Алексей подошёл к полке, провёл рукой по пустому месту. Пыль лежала ровным слоем, без малейшего следа, будто чашка никогда там и не стояла. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить её — форму, вес, узор, то, как она грела ладони зимними утрами. Воспоминания были, но они казались те-

перь не настоящими, а словно взятыми из чужого рассказа. Как будто кто-то описал ему чашку, а он просто запомнил описание.

В этот момент в дверь снова позвонили.

Тот же долгий, настойчивый звонок — будто звонящий точно знал, что Алексей не уйдёт, не откроет, не спрячется. Алексей стоял посреди комнаты, чувствуя, как пол уходит из-под ног, и понимал: он уже сделал выбор, и обратного пути нет.

Он открыл дверь.

Незнакомец стоял на пороге, всё в том же чёрном пальто, с тем же спокойным, почти безразличным лицом.

— Вы сделали выбор, — сказал он, не спрашивая, а констатируя факт.

Алексей кивнул, не в силах произнести ни слова.

— И что вы выбрали? — спросил незнакомец, слегка наклонив голову, будто ему действительно было любопытно.

— Чашку, — выдохнул Алексей. — Обычную чашку. С золотой каймой.

Незнакомец чуть приподнял бровь — единственный признак хоть какой-то эмоции.

— Интересная жертва, — произнёс он. — Не самое очевидное.

— Она была моей, — тихо ответил Алексей. — И я думал, что это не так уж важно.

— Важность не в предмете, — спокойно сказал незнако-

мец. — Важность в том, что вы решили с ним расстаться. Каждый предмет — это якорь. Вырвав один, вы меняете баланс всего корабля.

Алексей почувствовал, как внутри что-то сжимается — не от страха, а от внезапного понимания: он действительно начал менять мир. И не в лучшую сторону.

— Что теперь? — спросил он, голос звучал хрипло, будто после долгого крика.

— Теперь вы живёте ещё один день, — просто ответил незнакомец. — А мир становится чуть меньше.

Он сделал шаг назад, собираясь уходить, но остановился, будто что-то вспомнив.

— Кстати, — добавил он, чуть улыбнувшись той самой неестественной улыбкой. — Вы можете выбирать не только предметы. Можете выбрать воспоминание. Или чувство. Или даже чьё-то имя. Но помните: каждый выбор оставляет след. И не всегда его можно стереть.

С этими словами он развернулся и пошёл по коридору, шаги его были почти бесшумными, будто он не шёл, а просто исчезал из пространства. Дверь захлопнулась сама собой — мягко, без стука, как в прошлый раз.

Алексей остался стоять в прихожей, чувствуя, как холод коридора пробирается под свитер. Он посмотрел на пустую полку, потом на Капусту, который теперь сидел прямо напротив неё и смотрел туда, где раньше стояла чашка.

— Ты её помнишь? — спросил Алексей у кота.

Сэм мяукнул — коротко, будто сказал: «Помню. И ты помни».

Остаток дня тянулся медленно, как будто время решило наказать Алексея за его выбор. Он пытался делать обычные вещи: пить чай из другой чашки (она казалась чужой, неудобной, будто была сделана не для его рук), кормить Капусту, смотреть в окно на падающий снег. Но каждое действие теперь ощущалось как попытка притвориться, что всё в порядке, хотя порядок был нарушен.

Вечером он позвонил маме.

— Привет, мам, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал обычно.

— Лёша! — радостно ответила мама. — Как ты? Опять работаешь допоздна?

— Нет, — ответил он. — Просто сижу дома. Снег идёт.

— Снег — это хорошо, — сказала мама. — Значит, зима настоящая. Ты только шапку носи, ладно? В Петербурге холоднее, чем у нас.

Алексей улыбнулся, и на этот раз улыбка получилась настоящей — не от облегчения, а от того, как сильно он вдруг захотел, чтобы всё было как раньше. Чтобы чашка стояла на полке, чтобы он мог просто сидеть у окна и смотреть на снег, не думая о сделках и исчезновениях.

— Мам, — начал он, и голос его дрогнул. — Если бы у тебя был только один день... ну, если бы ты знала, что завтра всё изменится... что бы ты сделала?

На другом конце провода повисла тишина — не долгая, но достаточная, чтобы Алексей успел пожалеть о своём вопросе.

— Я бы просто посидела с тобой, — тихо ответила мама. — Мы бы пили чай и говорили ни о чём. О том, как пахнет хлеб из булочной, о том, как вороны ссорятся на крыше, о том, что зима опять пришла раньше, чем мы успели подготовиться.

Алексей закрыл глаза, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Спасибо, мам, — прошептал он. — Я... я просто так спросил.

— Всё хорошо, Лёша, — сказала она. — Всё будет хорошо.

Они поговорили ещё немного — о пустяках, о соседке, о том, что у Оли в школе новый директор. И когда Алексей положил трубку, он вдруг понял, что не сказал ей главного. Не сказал, что болен. Не сказал, что времени почти не осталось. И теперь, когда чашка исчезла, а мир стал чуть меньше, ему казалось, что он упустил что-то гораздо более важное.

Ночью он долго не мог уснуть. Сэм лежал рядом, тёплый и тяжёлый, как маленький якорь, удерживающий его на месте. За окном шёл снег, и Алексей смотрел, как снежинки кружатся в свете фонаря, и думал о том, что каждый день — это выбор. И каждый выбор — это маленькая смерть чего-то важного.

Он взял лист бумаги, который всё ещё лежал на столе, и провёл пальцем по его гладкой поверхности. На этот раз он не хотел выбирать. Он хотел просто сидеть и смотреть, как падает снег, и помнить всё, что ещё осталось.

Но где-то в глубине души он знал: завтра придётся выбрать снова. И на этот раз выбор будет тяжелее.

Глава 3. Выбор без выбора

Дни тянулись медленно, как будто время, которое раньше текло свободно, теперь измерялось каплями. Алексей старался не думать о том, что каждый его день — это обмен, сделка с пустотой, которая постепенно поглощала мир вокруг него. Сэм, казалось, чувствовал его состояние: кот стал ещё более осторожным, будто понимал, что привычный мир меняется, и нужно быть внимательным.

Он продолжал жить в своей маленькой квартире, но всё вокруг стало казаться чужим и далёким. Старые вещи, которые раньше казались незначительными, теперь обрели особую ценность. Каждое утро Алексей смотрел на полку, где раньше стояла его любимая чашка, и пытался привыкнуть к её отсутствию.

Однажды, проснувшись особенно рано, Алексей решил, что больше не может просто ждать. Он взял лист бумаги и написал на нём все те вещи, которые хотел бы сохранить в своём мире: старый альбом с фотографиями, запах свежее испечённого хлеба из булочной на углу, голос мамы по телефону, тепло Капусты, свернувшегося калачиком на диване.

Когда он закончил, лист казался тяжёлым от всех воспоминаний, которые он пытался удержать. Алексей положил его на стол и долго смотрел на него, пытаясь найти в себе силы сделать то, что обещал незнакомцу.

На следующий день, когда Сэм ещё спал, Алексей взял лист и вышел на улицу. Снег всё ещё падал, укрывая город белым одеялом. Он остановился на углу Каменноостровского и Большого проспекта, где когда-то стоял и думал о своей жизни.

— Я готов, — тихо произнёс он, глядя в серое небо. — Но я хочу сохранить всё это.

Он развернул лист и начал читать вслух каждое написанное слово. С каждым произнесённым именем, запахом или звуком, мир вокруг словно тускнел. Люди проходили мимо, не замечая его, фонари горели всё более тускло, а снег становился всё более призрачным.

Когда он закончил, перед ним стоял тот же незнакомец в чёрном пальто. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась лёгкая грусть.

— Ты выбрал сохранить, — сказал он. — Это достойный выбор. Но помни: каждый сохранённый момент делает мир тяжелее для всех остальных.

Алексей кивнул, чувствуя, как тяжесть выбора ложится на его плечи.

— Я понимаю, — прошептал он. — Но я не жалею.

Незнакомец протянул руку, и в его ладони появилась та

самая чашка с золотой каймой. Алексей взял её, чувствуя, как тепло возвращается в его руки.

— Это лишь начало, — сказал незнакомец. — Теперь ты знаешь цену сохранения.

Он растворился в воздухе, оставив Алексея одного с чашкой в руках. Снег продолжал падать, но теперь он казался более реальным, более осязаемым. Алексей вернулся домой, где его ждал Сэм, и они вместе сели пить чай из сохранённой чашки.

С тех пор Алексей старался жить каждым днём, как будто это был последний. Он разговаривал с мамой по телефону, писал письма сестре в Вологду, и каждый вечер они с Капустой смотрели в окно на падающий снег, который теперь казался символом их хрупкого мира.

Мир становился всё меньше, но Алексей нашёл свой способ сохранить его частичку в сердце. И каждый раз, глядя на Капусту, он знал: даже в исчезающем мире есть место для любви и тепла.

Так продолжалась его жизнь — медленная, тихая, наполненная воспоминаниями и простыми радостями. И каждый день Алексей благодарил себя за сделанный выбор, за то, что сохранил то, что делало его мир настоящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.